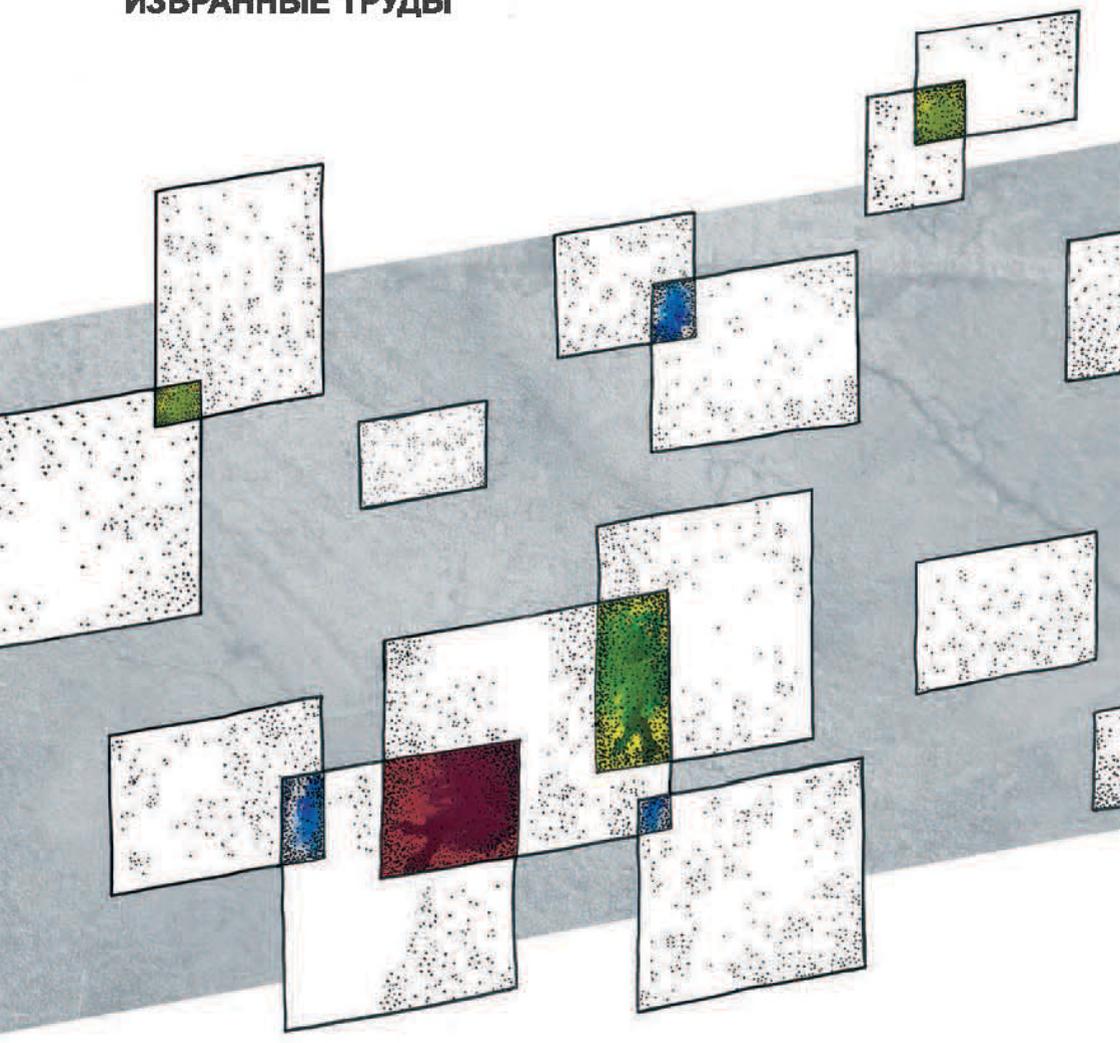

В. Л. АБУШЕНКО

ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРСОЦИОЛОГИИ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт социологии

В. Л. Абушенко

ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРСОЦИОЛОГИИ

Избранные труды

Минск
«Беларуская навука»
2016

УДК 316(081)
ББК 60.5я44
А17

Составитель:
А. В. Комаровский

Рецензенты:
кандидат философских наук, доцент А. А. Лазаревич
доктор философских наук, академик Е. М. Бабосов

Абушенко, В. Л.
А17 Основания культурсоциологии : избранные труды /
В. Л. Абушенко ; сост. А. В. Комаровский. – Минск : Бела-
русская наука, 2016. – 497 с.
ISBN 978-985-08-1981-9.

В книге философа и социолога В. Л. Абушенко (1957–2015) пред-
ставлены избранные работы по истории и теории социологии, культур-
социологии и социальной теории, исследования социальной и нацио-
нальной идентичности.

Адресуется исследователям, преподавателям и студентам социо-
гуманитарных дисциплин.

УДК 316(081)
ББК 60.5я44

ISBN 978-985-08-1981-9

© Комаровский А. В., составление, 2016
© Оформление. Издательский дом
«Беларуская наука», 2016

ОСНОВАНИЯ И РАЗВОРОТЫ (О творческом наследии В. Л. Абушенко)

Я есть я и мои обстоятельства.

Х. Ортега-и-Гассет

Если мы кому и обязаны из предшественников,
то не отступникам от истины, а тем, кто шел до конца.

М. К. Петров

Виднейший социолог и философ современной Беларуси, Владимир Леонидович Абушенко (22.04.1957 – 26.09.2015), ушел из жизни совершенно неожиданно и несвоевременно. До последнего дня в его творческой мастерской кипела интенсивная интеллектуальная работа, питаемая новыми идеями и старыми надеждами. Судьба, однако, распорядилась иначе.

Детство В. Л. Абушенко прошло на Полесье, в Пинске и Мозыре, в краю широких спокойных рек с берегами из мягкого песочка, по которым он с друзьями немало плавал на «байдах». Спокойствие и мягкость, трудолюбие и усидчивость, аккуратность и правильность отличали его характер, подход к работе и людям. Эти качества отразились в нескольких ярких эпизодах жизни. В детстве «Владык», как звала его бабушка Малгожата (по линии матери, имела чешские корни), очень увлекался лепкой из пластилина (его работы выставлялись в гомельском Доме пионеров), а в домашнем холодильнике потом долгое время хранилась коллекция реалистичных фигурок представителей разных народов мира. Чтобы научиться чистописанию, он – по совету отца, профессионального журналиста, Леонида Кирилловича – два раза прочитал и переписал от руки «Книгу джунглей» Р. Киплинга, повествующую о приключениях Маугли. Деревянная дача под Ратомкой недалеко от Минска, где мастер нашел последнее пристанище, практически вся вытесана его руками

вместе с отцом и под незримым руководством деда Кирилла – деревенского плотника.

Возможно, именно эта тяга к «работе с материалом», к творчеству и искусству, прививаемая с раннего детства, повлияла на желание молодого Абушенко после 8 класса получить творческую профессию в Академии искусств (выучиться на скульптора), а после 10 класса – на журналиста в БГУ. Но родители осознанно направили его на иной путь. Этот путь пролегал по просторам мира «идеального»: отделение философии исторического факультета БГУ (1974–1979), аспирантура Института социологических исследований АН СССР в Москве (1981–1984)¹, Институт философии и права АН БССР (1985–1990), работа на кафедре социологии БГУ (с 1990) и в Институте социологии НАН Беларуси, в котором он бессменно² работал (с 2002) на должности заместителя директора по научной работе. Несмотря на возможность остаться и работать в Москве в Институте социологических исследований (по приглашению И. Т. Левыкина), В. Л. Абушенко по разным причинам, но все же возвращается в Беларусь – и до самого конца работает на благо родной страны, развивая ее науку и культуру.

Вклад В. Л. Абушенко в развитие социологической науки и образования в Беларуси трудно переоценить, хотя само присутствие этого вклада во многих событиях и проектах неосознано и малоизвестно: сказались прирожденная «кротость» характера и приверженность коллективному делу в ущерб личным интере-

¹ В Москве В. Л. Абушенко защитил диссертацию на соискание степени кандидата философских наук на тему «Проблемы построения системы показателей духовной деятельности личности в концепции социалистического образа жизни (Теоретико-методологический аспект)» под руководством доктора философских наук, профессора, заместителя директора по научной работе Института социологических исследований АН СССР И. Т. Левыкина. Символично, что его диплом ФС № 006650, выданный ВАК СССР на основе решения Совета ИСИ АН СССР от 26.06.1985, стал последним официальным дипломом по философии в СССР, как и то, что сам В. Л. Абушенко долгое время занимал ту же должность, на которой такой же период работал и его научный руководитель (1978–1994).

² Непродолжительное время (в апреле–декабре 2008) В. Л. Абушенко также исполнял обязанности директора Института социологии НАН Беларуси.

сам. Эти аккуратность в работе с идеями и деликатность в работе с коллегами позволили реализовать множество коллективных «мегапроектов». В течение 2000-х гг. вышел целый ряд фундаментальных энциклопедий по социологии и философии, ставших яркой страницей в интеллектуальной жизни не только Беларуси. Однако, как это ни парадоксально и трагично, при жизни из-под пера В. Л. Абушенко не вышло ни одной «своей», личной монографии, сборника статей или учебника³. Данная книга – первая такая книга.

Не менее трагично и то, что с библиографической точки зрения «Основания культурсоциологии» – сборник работ, а не целостное монографическое исследование. Монографию на эту тему автор – по его рассказам – был готов представить «миру и городу» уже в середине 1990-х гг.⁴ Практически все впоследствии опубликованные статьи В. Л. Абушенко – по истории и теории социологии, по социальной теории, по вопросам белорусской идентичности или латиноамериканской мысли – написаны, в конечном счете, о культуре: названия работ, ключевые понятия и концептуальные схемы напрямую или косвенно говорят об этом. Однако, хотя данный факт четкой предметно-тематической классификации работ В. Л. Абушенко и позволяет объединить представленные работы под обложкой «культурсоциологии»⁵, сам по

³ Ни по одному из тех курсов (если назвать лишь ключевые), которые он читал студентам кафедры социологии в Белорусском государственном университете в 1990–2010-х гг. («Теоретическая социология» для студентов 1-го курса и «Социология культуры» для студентов 4-го курса) и магистрантам по социологии Института подготовки научных кадров НАН Беларуси в 2008–2015 гг. («Современные проблемы социологии»), учебных пособий В. Л. Абушенко не подготовил.

⁴ Это новаторское исследование, конспект которого представлен в данном сборнике как статья «Типологический подход к исследованию культуры в культурсоциологии», составлял основу его планируемой докторской диссертации.

⁵ Здесь и далее, следуя немецкоязычной традиции, в которой возник сам термин, мы используем слитное написание слова «культурсоциология», а не вариант словоупотребления через дефис «культур-социология», который встречается в ранних работах В. Л. Абушенко. Такой подход – проявление не словесной казуистики, а осознанное концептуальное решение, призванное четко обозначить отличие от «социологии культуры» за счет использования этой нетипичной для русского языка словоформы.

себе все же не является самодостаточным и должен быть дополнен их «сущностной», методологической «локализацией». Работы о культуре не становятся культурсоциологическими, следуя лишь их названиям, если такого соответствия нет по эпистемологическим основаниям.

В данном контексте закономерно возникают два важных вопроса. Является ли данная работа лишь фрагментированным целым, искусственно скомпонованным из разнородных текстов? Способна ли она обоснованно претендовать на столь требовательный к целостности и системности жанр публикации как «Основания»? На оба вопроса мы ответим твердым «нет». Как автор В. Л. Абушенко относился к той редкой сегодня категории энциклопедически образованных ученых, работы которых выступали элементом большой концептуальной «системы», включающей и органически интегрирующей позиции разных социогуманитарных дисциплин. Эта система, рамочно обозначаемая как культурсоциология, и выступает тем концептуальным основанием, благодаря которому данная книга является целостным произведением, которое по праву (хотя и не без трагизма) носит высокий титул «Основания»⁶. Представленные в данном издании, как и последние работы автора по культурсоциологии⁷, они позволяют проследить эволюцию

⁶ Наряду с терминами «разворот», «схлопывание», «упаковка» и многими другими слово «основания» является ключевым элементом личного словаря В. Л. Абушенко (или «личностного знания» в терминологии М. Полани). «Основания» – это еще и типовой, сегодня устаревший жанр систематических, основополагающих для конкретного дисциплинарного поля работ. Сегодня, в ситуации трансформации науки в условиях активного разветвления постнеклассической (социокультурной) рациональности, мы нуждаемся в таких твердых «основаниях» для (социогуманитарного) познания.

⁷ Наиболее актуально и систематизированно предметные, дисциплинарные и методологические основания культурсоциологии изложены в серии трех программных статей В. Л. Абушенко, написанных незадолго до смерти для публикации в главном социологическом издании Беларуси – журнале «Социология» (№ 3, 4 за 2015 и № 1 за 2016 г.).

его взглядов⁸, итогом которой и стала «система» культурсоциологии.

Концепт культурсоциологии понимается В. Л. Абушенко шире, чем традиционная социология культуры, описывающая культуру на уровне «теории среднего уровня» (отраслевой социологии) в аспекте включенности культурной компоненты в социальную жизнь общества и его подсистемы (культура труда, быта и т. д., политическая, экономическая и иная культура) и/или в аспекте выявления специфической области (сферы) культуры (духовной жизни) как в институциональном, так и в поведенческом срезе, т. е. как отдельной предметности социологического изучения. Культурсоциология же претендует на изучение культуры (социологическими) средствами на метатеоретическом уровне анализа, а тем самым – на статус *фундаментального* знания об обществе. При таком подходе «социальное» начинает пониматься и трактоваться в терминах «культурного», а культура объясняется не через реалии социума (что характерно для социологии культуры), сколько, наоборот, социум становится «производным» от культуры. Таким образом, на материале работ разных лет В. Л. Абушенко настойчиво утверждает, что какая-либо попытка выстроить современный (социологический) анализ культуры и частных культурных феноменов (в т. ч. и любых социальных феноменов) по модели специальной социологической теории («теории среднего уровня») является малопродуктивным ходом, поскольку феноменальность культуры тотальным образом пронизывает и «несет на себе» весь социум, она не может быть исчерпывающим образом

⁸ В данной эволюции четко прослеживается единая линия изучения культуры – от ее «начала» (социология «образа жизни», которая легла в основу кандидатской диссертации В. Л. Абушенко и выступавшая категориальной мимикрией «цензурируемой» в советское время социологии культуры) и до самого «конца» (статьи в указанных номерах журнала «Социология» и некоторые, еще ожидающие своей публикации материалы по теоретической социологии). Этим же объясняются и некоторые, бросающиеся в глаза внимательному читателю, повторяющиеся из статьи в статью ключевые тезисы и пассажи.

локализована (опредмечена) в каком-то отдельном его сегменте (сфере)⁹.

Претензия культурсоциологии на фундаментальный статус не случайна и соответствует актуальному сегодня гносеологическому запросу на разработку такой теоретико-методологической конструкции, которая позволит продуктивно интегрировать разнодисциплинарные знания и поддерживать в (непомерно) широком исследовательском сообществе «консенсус» относительно современной методологической культуры. В конечном счете речь идет о формировании особого рода *трандисциплинарного дискурса*, в котором разнородные предметности соотносятся и интегрируются в поле общей *коммуникации*, протекающей главным образом на методологическом и/или эпистемологическом, а не (сугубо) предметно-тематическом (онтологическом) уровне. Иными словами, современным исследователям (даже внутри одной дисциплины, не говоря уже о разных науках) становится все сложнее продуктивно обсуждать «онтологические картины» и методологические решения, пока не налажена прозрачная коммуникация и не «отработана» дискуссия по эпистемологическим (знаниевым) основаниям продуцирования разных картин и решений. Именно поэтому совершенно не случайно, что все работы В. Л. Абушенко носят ярко выраженный эпистемологический характер, выявляют исторические и дисциплинарные истоки культурсоциологии, рефлексиируют ее теоретические и эмпирические основания, применяют ее идеи к исследованию «конкретных» тем и проблем (идентичности, национализма, мультикультурализма). Такова цель культурсоциологии – нахождение, анализ и проблематизация оснований социологического и социального знания.

Познавательные усилия современной культурсоциологии направлены на сравнительно-историческое изучение различных

⁹ Показательно, что на примере этой, фундаментальной для социологического знания, методологической дискуссии между «социологией культуры» и «культурсоциологией» метонимически представлена структура и история поля социологической науки в постсоветской Беларуси, где неизменно сосуществуют структурно-функциональный анализ и различные оспаривающие его альтернативы.

человекоразмерных механизмов взаимодействия социальной (социокультурной) и знаково-символической реальностей в различных цивилизационных системах. Востребованность такого рода системного анализа в начале XXI века очевидна как никогда: возникающие на стыках и внутри цивилизационных пространств глобального мира процессы кооперации и борьбы, обостряющиеся в различных формах неравенства и насилия, ставят во главу угла проблематику культурной совместимости и межкультурного взаимодействия, обеспечивающих устойчивое развитие для всех стран и сообществ. Глобальные кризисы современности воочию демонстрируют, что усилий отдельных дисциплин – гуманитарных, естественных, технических – для интеллектуального освоения задачи такого масштаба недостаточно, а адекватных методологических инструментов для сведения этих усилий в единую «силовую точку» на сегодня, по-видимому, еще не разработано. Такова социокультурная «повестка дня», настоятельно требующая концептуализации жизнеспособного исследовательского канона для современного, *постнеклассического* трансдисциплинарного научного знания, выходящего за рамки традиционных дисциплинарных границ к исследованию человека и природы во всей сложности их взаимодействия.

Именно культурсоциология небезосновательно претендует на одну из ведущих ролей в решении данной задачи. Обсуждая рабочую плоскость и некоторые контуры такого решения в работах В. Л. Абушенко, стоит указать на концептуальную «точку опоры» самого автора, в богатом интеллектуальном мире которого сосуществовали десятки имен не только из континентальной традиции (в т. ч. немецкой, французской, итальянской, испанской мысли), но и представители англосаксонской и латиноамериканской традиции. Речь о выдающемся философе, социологе, науковедe М. К. Петрове¹⁰, в работах которого он обнаружил

¹⁰ Всем, кто знаком с перипетиями судьбы М. К. Петрова, может броситься в глаза определенная степень сходства характеров, биографий, привычек между ним и В. Л. Абушенко. Мы надеемся, что обоим авторам еще уготованы широкое признание и «ренессанс» как минимум в русскоязычном интеллектуальном пространстве.

столь необходимое в современном знании органическое соединение в целостную систему трех ключевых уровней социогуманитарного анализа: «микроуровня» (антропологическое знание, концепция человекоразмерности), «макроуровня» (социологическое знание, концепция социокодов) и «мегауровня» (историческое знание, или цивилизационный анализ, концепция культурной несовместимости)¹¹. Авторские же разработки самого В. Л. Абушенко можно рассматривать – с известной долей селективности и упрощения – как определенную, в некоторых отношениях новаторскую конкретизацию и «операционализацию» петровских идей в форме взаимосвязанных методологических инструментов, в перечень которых входят рамочный подход к знанию и типологический подход к культуре.

Возможно, несколько неожиданно собственное признание¹² В. Л. Абушенко в последние годы жизни в том, что проблематика культуры уже отошла на второй рабочий план, а в эпицентре его творческих изысканий находится проблематика социологии знания (или социальной эпистемологии). С содержательной же точки зрения в этом признании нет ничего «скандального» для (его)

¹¹ Современный социогуманитарный дискурс, тематизирующий проблемы риска, рефлексивности, перформативности, симулякров и т. п., – это свидетельство распада позднеиндустриального формата человекоразмерности и широкого процесса осмысления вопроса о том, какой формат (конstellация форматов) человекоразмерности (а, возможно, и иной социокод) вызревает в турбулентной динамике современных социокультурных трансформаций.

¹² «Последнее время про культурсоциологию уже немного делаю, просто дописываю. Это поллиативное решение в духе неклассики. А вот постнеклассика выводит уже на другой уровень. Тезис в том, что социология и любое другое знание работает с какими-то определенными знаниевыми конструктами и концептами, которые проецируются и реифицируются, что потом выдается за картинки или условия их построения. А по сути работа идет с разными упаковками знания, со способами работы со знанием, его разными типами». Признание это озвучено на одной из «внутренних» лекций о современной социологии, прочитанных В. Л. Абушенко в Институте социологии весной-летом 2011 г. Мы надеемся, что корпус данных идей, лишь намеченных в представленных здесь работах, найдет свое печатное воплощение в курсе лекций по современной социологии в будущем. Для демонстрации этих идей в сборник включена работа «Познавательные стратегии в современной социологии», представляющая собой одну из указанных лекций.

культурсоциологии, поскольку такой концептуальный «ход» оказывается продуктивным и обогащает корпус ее идей, о чем собственно и свидетельствуют последние работы автора по культурсоциологии¹³. С биографической же точки зрения это признание еще раз свидетельствует о том, что представленные «Основания» должны были быть заложены значительно раньше и в соответствующей их концептуальному уровню публикационной форме – целостного авторского монографического исследования.

Таковы основания. Говоря же о (скрытом) эвристическом потенциале и возможных «разворотах» из творческого наследия В. Л. Абушенко, по нашему мнению, стоит выделить, как минимум, три взаимосвязанных «зоны развития»: рамочный подход к знанию, типологический подход к культуре и концепция креольства. Данные идеи в полной мере обладают актуальностью и потенциалом как в плоскости фундаментальных, так и прикладных исследований, сходящихся в «узле» вызовов и проблем, составляющих указанную ранее социокультурную «повестку дня» нашей турбулентной и беспокойной современности. Дискуссия же о наличии и особенностях креольских оснований в национальной идентичности беларусов (подобно латиноамериканским «кейсам» нациостроительства), в которой В. Л. Абушенко принимал активное участие (в конце 1990-х – начале 2000-х гг.), имеет большие шансы на реактуализацию в контексте происходящих сегодня активных геополитических сдвигов на постсоветском пространстве.

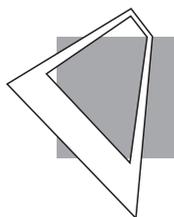
Сегодня активно трансформируются, плюрализируются и усложняются механизмы (само)заказа, производства, легитимации

¹³ В заключительной статье о культурсоциологии в журнале «Социология» В. Л. Абушенко предпринята попытка интеграции его новаторских разработок – рамочного подхода к знанию и типологического подхода к культуре. Насколько удачна и продуктивна данная попытка – судить научному сообществу. Но сам факт ее наличия показывает, что В. Л. Абушенко не «просто дописывал», а уже по-новому видел роль культурсоциологических идей в еще более широкой системе, которая претерпела значительные трансформации на таком коротком отрезке (2010-е гг.) его творчества, только выходящего, быть может, на настоящий пик своего развития.

и употребления научного и иных типов знания в культуре. Наряду с воспроизводством традиционных *дисциплинарных* механизмов социология вынуждена конструировать и внедрять практики эффективного *дискурсивного* и *коммуникативного* присутствия в (публичной) социальности, которые обеспечивают признание и востребованность продуцируемого ею знания в высококонкурентной идейной среде современного глобального мультикультурного мира. Данный праксеологический «сдвиг» требует системного переосмысления предметных, дисциплинарных и методологических оснований современного социогуманитарного знания. Представленные «Основания культурсоциологии» – авторский вклад В. Л. Абушенко в решение данной задачи.

А. В. Комаровский¹⁴

¹⁴ Автор высказывает слова благодарности администрации и сотрудникам Института социологии НАН Беларуси за возможность издания сборника, за неоценимую помощь и поддержку в работе. Автор выражает глубокую признательность Ю. М. Резнику, А. Н. Данилову, О. Шпараге за возможность включения ранее опубликованных работ В. Л. Абушенко в данное издание. Автор также хотел бы поблагодарить Ю. С. Назаренко, Н. Л. Кацука, Е. В. Мартищенко, К. Н. Шафаренко и С. А. Самойленко, без содействия и помощи которых это издание не состоялось бы.

**ИСТОРИЯ
СОЦИОЛОГИИ**

СОЦИОЛОГИЯ КАК ИСЧЕРПАННЫЙ ПРОЕКТ МОДЕРНА. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА*

Рассматриваются концептуальные основания социологии как дисциплинарного проекта эпохи модерна. Обосновывается необходимость переосмысления и переформулировки «проекта социологии» в ситуации постмодерна.

Любая развитая интегративная социогуманитарная дисциплина периодически сталкивается с необходимостью теоретико-методологической рефлексии собственных оснований и критического уточнения своего предметного поля. Социологию постоянно преследовала необходимость ставить под сомнение свою собственную возможность. Это «сомнение» провоцировалось как «внешней», исходившей по преимуществу из философских дискурсов, критикой (образцы которой задали Ницше, Дильтей, Франк, Мерло-Понти), так и «внутренними» причинами (возникновение иных, например, у Вебера и Зиммеля версий реализации социологических исследовательских стратегий, чем изначально предложенная в момент ее возникновения). Однако и на этом фоне ситуация примерно последней трети XX века и «рубежа тысячелетий» отличается принципиальной новизной.

В настоящее время речь идет не просто о вновь актуализировавшихся «критиках», борьбе противоположных теоретико-методологических ориентиров, парадигм, исследовательских стратегий и т. д., а о попытках адекватно социологическими средствами выразить схему качественно различных эпох в новейшей

* Источник: Абушенко В. Л., Кацук Н. Л. Социология как исчерпанный проект модерна. К постановке вопроса / В. Л. Абушенко, Н. Л. Кацук // Социология. 2000. № 3. С. 50–56.

социокультурной истории. Социология одной из первых диагностировала этот «слом эпох», вскрывая параллельно противоречия в своих основаниях и обнаруживая исчерпанность возможностей классических парадигм в описании и понимании реальности.

Так исходно она во многом самоопределялась как совокупность дискурсов, описывающих переход от традиционных социальных структур и практик к нетрадиционным, индустриальным, современным (модерным), и как стратегия (инструмент), позволяющая или помогающая осуществить этот переход. На рубеже 60-х годов XX века социологи начинают говорить о принципиально новой «реальности» изначально описываемой (схватываемой, т. к. адекватных средств в готовом виде для ее анализа не обнаружилось) с помощью приставки «пост»: постиндустриальное общество, постсовременность и т. д. Тем самым социология как бы утрачивала свою предметность («индустриальное общество»), до предела обостряя вопрос о применимости своего категориально-понятийного аппарата для работы с новыми социокультурными реалиями, требующими перевода социального анализа в культур-социологический, учета ангажированности позиции самого исследователя, вовлеченного в «конструирование» социальной реальности.

При этом вскоре обнаружилось и было осознано, что рамки обсуждения возникших проблем нельзя ограничить собственно социологией или даже социогуманитарным знанием. На рубеже 1970-х в философии (шире в искусстве и литературе, культур-исследованиях) оформляется комплекс идей и подходов, манифестируемых как постструктурализм и/или постмодернизм, занимающих эпатажную позицию по отношению к предшествующим философской и научной традициям, и провоцирующий чуть ли не тотальный пересмотр оснований европейской (западной, модерновой) цивилизации как таковой.

В какой-то мере как прототипическая по отношению к рассматриваемой может быть взята европейская социокультурная ситуация предшествовавшего «рубежа столетий» (конца XIX – начала XX), породившая известный спор о «науках о природе» и «науках о культуре», дискредитировавший постулат о единой

природе научного знания, а также дискурс о «закате Европы» как глобальном кризисе европейского типа цивилизации.

Однако при всем внешнем подобии этих ситуаций имеется принципиальное отличие. Сегодня речь идет не просто о смене стратегий модернизации внутри индустриального типа обществ, а о принципиальном социокультурном сдвиге от модерна к постмодерну. Это влечет за собой необходимость переопределения места информации, знания, науки в постмодерновом (глобальном, информационном и т. д.) типе общества. В этом отношении необходимо для целей дальнейшего анализа различить (хотя бы схематично) постмодернизм как тип философских и социогуманитарных дискурсов, наиболее заостривших рассматриваемую проблематику, и постмодерн как новое социокультурное состояние общества, признаваемое и другими, помимо постмодернистского, дискурсами.

В дальнейшем в данной статье речь будет идти не о возможности «постмодернистской социологии» (предлагаемой, в частности, Бауманом), а о попытке переопределения проекта социологии как продукта модерна (индустриального, гражданского и т. п. общества; варианты возможны) в ситуации постмодернового (постиндустриального, постсовременного, информационного) общества. Только в этом контексте и возможно, на наш взгляд, говорить о «конце социологии» и/или о «постсоциологии» (по аналогии с «концом истории» и «постисторией»). Гипотетическое признание такого различия позволяет на начальном этапе анализа отстраниться от содержательной проблематики постсоциологии и задать рамку ее опознавания через ее отличие от «родовых черт» привычно понимаемой социологической дисциплинарности.

Однако и при принятии всех выше обозначенных допущений остается проблематичным определение самого предмета социологии. Большинство известных определений при рефлексивном к ним отношении явно проявляет узость теоретико-методологических оснований, исходя из которых они продуцированы. Поэтому мы принимаем установку, согласно которой социология не может иметь своего исчерпывающего определения и предпо-

лагает вариативность собственного понимания в зависимости от артикулируемых или латентно присутствующих теоретических (онтологических, гносеологических, эпистемологических) парадигмальных позиций (перспектив) и реализуемых исследовательских стратегий.

В данном контексте социологию следует понимать, скорее, как тип рамочного знания, задающего предельно возможные горизонты «Социологического» (различающегося как от «Философского», так и сугубо «Научного»). Такой максимально объемлющей рамкой социологического видения является понятие общества (конкретизирующегося во взаимодействии рамок социума, личности и культуры), содержательно и предметно достаточно «бедное», определяемое через соотношение с «предельными» понятиями-рамками природы и трансцендентного (божественного) начала, что исходно соотносит социологию с базовыми категориями европейского мышления Нового времени. Соответственно, социология на начальном этапе задавалась как совокупность познавательных практик, складывавшаяся в европейской интеллектуальной традиции с середины XVII века и изначально (в середине XIX) артикулированная как самостоятельная (отдельная) научная дисциплина, ставящая своей целью дать ответ на вопрос «что такое общество и как оно возможно?».

Впервые этот круг вопросов был обозначен в «Левиафане» Гоббса как проблема социального порядка и оформлен в качестве научно-дисциплинарного проекта Контом в «Курсе позитивной философии». Эпистемологически данный проект можно с достаточными на то основаниями выводить из научных программ Декарта (проблема универсального научного метода), Галилея (идея экспериментальной науки), Ф. Бэкона (тезис об опытной природе научного знания), переоформленных в программы логики социальных наук Милля и калькулируемости социальной информации Кетле. Ближайшие истоки социологии как проекта модерна обнаруживаются в идеологии «законодательного разума» (в терминологии Баумана) французского Просвещения, впервые максимально возможно на тот период времени «заземлившей» философскую проблематику, увязав ее с идеей законо-

сообразного, линейно-прогрессистского изменения (модернизации) общества как движения к определенному идеальному состоянию. Тем самым постулировалось, что социальный порядок не предустановлен изначально, а с необходимостью должен воспроизводиться на каждой следующей ступени общественного прогресса действующими в соответствии с законами разума (а следовательно, «воспитанными», «просвещенными») социальными субъектами (автономными и универсальными личностями).

Основанием социального действия служит общественный идеал справедливого и совершенного общества, телеологически встроенный в саму идею социального прогресса (в более поздней редакции в теорию модернизации). Тем самым социология изначально проективна в своих основаниях. Она уходит от исследования структур традиционного общества (прошлое), которые ей интересны лишь в качестве того, что должно быть преодолено (модернизировано) в современности (в настоящем) во имя открываемого и конструируемого будущего, в качестве необходимого средства которого она сама выступает.

Общественный идеал был реализован в доминирующих социологических дискурсах прежде всего как идеал «нетрадиционности» и индустриализма (технократизма, капитализма), а в маргинальных как идеал социализма и коммунизма. Тем самым проективность идеала, в соответствии с которым и конституировала себя социология, влечет за собой частичную (в доминанте) или полную (в маргиналии) утопичность самого исходного «проекта социологии».

Осознание своей известной утопичности при изначальной установке на строгую научность давалось социологии долго и нелегко; и было, пожалуй, явно артикулировано лишь в концепции социологии знания Манхейма. Сама же установка на возможность достижения «строго научного знания» (а следовательно, и истины как таковой) – еще одна просвещенческо-модернистская иллюзия (дополненная затем еще и технократической установкой), встроенная в само основание социологического проекта. Она фундировалась тем, что социология, будучи продуктом распада классической философии, не сумевшей перевести проблему модер-

низации общественной жизни в практическую плоскость, изначально манифестировалась как критический по отношению к философской метафизике и дистанцировавшийся от нее дискурс, фокусирующийся между полюсами действенной, а не созерцательной природы познания (тезис примата практики Маркса), и абсолютизации позитивного (научного) знания как выражения самого духа нового типа обществ (закон трех стадий Конта). Более того, позитивистский социологический проект, взявшись решать философские проблемы нефилософскими средствами, пришел в конце концов к осознанию себя как проекта единственно возможной новой научной философии. И в таком своем качестве социология выступила диагностом новой интеллектуальной ситуации в европейской философии и культуре ее перехода в «неклассическую» фазу развития.

Таким образом, будучи продуктом модерна и средством модернизации (как приведения общества к некоему идеальному состоянию), социология актуализировала модернизацию всей европейской социокультурной и интеллектуальной жизни. Во многом это было связано с тем, что именно с «вне» философских позиций было возможно предложить замену одному из основных концептов классической философии (трансцендентальному субъекту с его «чистым сознанием») через апеллирование к контекстуальной и социально-исторической обусловленности субъекта. Однако сама социология (и это еще один парадокс в ее основаниях) еще длительное время сохраняла представление о точном и лишенном тела познающем субъекте – социологе, занимающем отстраненную от социальной реальности позицию. Сама социальная реальность при этом (чаще имплицитно, чем эксплицитно) понималась по преимуществу как результат объективации сознания действующих субъектов, собственно и подлежащий анализу (без обращения к проблеме сознания как таковой). Лишь в феноменологической социологии Шюца, в концепции Шелера, в немецкой философской антропологии (она же социология в лице того же Шелера, Плеснера, Гелена, Шельски) субъекту было возвращено «тело», а миру телесность.

Однако сама возможность этого продолжения фундировалась иным вариантом модернистского социологического проекта, берущим начало в традициях не французского, а немецкого Просвещения (в частности раннего Канта), в его идее публичности разума и латентно связанной с ней идее общественности как носителя критического социологического дискурса (в полной мере эксплицированной в концепции коммуникативного действия Хабермаса). Если французская версия изначально ориентировалась на технологическое улучшение уже измененных в ходе революционной практики оснований общества (общество как объект), то немецкий проект изначально критичен по отношению к существующему социуму, переводит «критику общества» в «критику культуры» или «критику идеологии» (общество как субъект). Поэтому не случайно, что в немецкоязычной по своим истокам линии «понимающей социологии» (основного оппонента «фактуалистической» социологии Дюркгейма) в социологический дискурс был внедрен «смысл», продуцируемый культурой и скрывающийся за внешними явлениями объективациями. Тем самым были заложены основы культур-ориентированной социологии, скорректированной затем в соответствии с результатами дискуссии о различности типов естественнонаучного и гуманитарного знаний, о дуалистичности генерализирующих и индивидуализирующих методов «наук о природе» и «наук о культуре».

В этой переинтерпретации проекта социологии социальный мир перестал быть плоскостью объективаций, приобрел глубину и многомерность, оформленность в актах сознания, закрепленных в слове. Сознание стало присутствовать в этом мире через свою интенциональность, задавая способы бытия событий и вещей, связывая их с внутренним опытом субъектов, подрывая унаследованную от классической философии и закрепленную в позитивистской версии социологического проекта обращенность к исследованию «логики вещей». Социальность подлежит «расколдовыванию» в культур-социологической рефлексии, место «объектности» в которой все больше занимает «субъектность». Дальнейшее движение в логике этого проекта во многом было

определено сначала феноменологическим, а затем герменевтическим поворотом в философском и социогуманитарном знании, способствовавшим текстуализации социального мира (его понимания как интер- или гипертекста, как производного от знаковой реальности), и разрывом с классической версией истории собственного развития и становления, спровоцированным, в частности, «археологией знания» Фуко.

Таким образом, смещение акцента с «позитивной» на «критическую» составляющую в проекте социологии оказалось вирусным для него, перевело критику социума через критику культуры к критике самой социологии внутри нового постмодернового состояния общества. Социология столкнулась с необходимостью собственного переосмысления, рискуя, в противном случае, воспроизводить себя как частные методики по изготовлению артефактов и обслуживанию симулякров, а также редуцироваться к нагромождению текстов, периодически отправляемых в «архив» дисциплины.

Это, в свою очередь, требует преодоления иллюзий, порожденных «законодательным разумом» с его универсалистскими претензиями обустройства социального порядка «вне» и «поверх» реально живущих и действующих социальных факторов, и признания фундаментальной автономности социального мира. Обнаруживается, что социология суть вполне контекстуально обусловленный проект конкретного состояния общества эпохи модерна, и как таковой он исчерпал себя в новых социокультурных условиях состояния постмодерна. И в этом ракурсе это вполне законченный, хотя так и не реализованный до конца в своих исходных интенциях проект. Он обречен остаться принципиально незавершенным, но подлежит переосмыслению и переформулировке.

Ретроспективный взгляд на основе проделанного анализа позволяет выявить основные базовые идеи и допущения социологии, поставленные под сомнение по ходу ее конституирования и развертывания:

1. Ориентация на исходно формулируемый образ социального порядка, могущий быть простроенным в социологическом знании и нормируемый законодательным разумом.

СОДЕРЖАНИЕ

Основания и развороты (О творческом наследии В. Л. Абушенко).....	5
--	---

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Социология как исчерпанный проект модерна. К постановке вопроса ...	16
Социология в контексте постмодерна	27
Неклассические основания классической социологии	37
После марксизма.....	48

ТЕОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Постсоветская социология: мультипарадигмальность и «тоска» по теоретическому синтезу	76
Теория социокода М. К. Петрова как основание культур-социологических исследований	99
Понятие человека(раз)мерности в культурсоциологии М. К. Петрова ...	111
Познавательные стратегии в современной социологии.....	129

КУЛЬТУРСОЦИОЛОГИЯ

Возможности и ограничения социологического изучения культуры.....	147
Классический подход к изучению культуры в социологии в перспективе социологической (пост)неклассики	164
Типологический подход к исследованию культуры в культурсоциологии	176
Становление культурсоциологических дискурсов в социальном знании: предельная рамка	201

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

Социальная теория: возможности согласования дисциплинарных эпистемологических позиций.....	226
«Культур-социология»: возможность иного взгляда на социальную теорию.....	247
Заключительное выступление в дискуссии «Социальная реальность: поиски смысла»	267

ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Социалистический образ жизни и особенности формирования ценностных ориентаций молодежи.....	274
Разрыв традиций: поиски механизма новой идентификации	285
Пресуппозиции изучения личности в классической социологии	293
Проблема идентичностей: специфика культур-философского и культур-социологического видения.....	305
Заключение. Беларусь на пути в будущее.....	329

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Філасофія лацінаамерыканскай сутнасці	340
Мицкевич как «креол»: от «тутэйшых генеологий» к генеологии «тутэйшасці»	357
Креольство как ино-модерность Восточной Европы (Возможные стратегии исследования)	391
Creolity as other modernity of Eastern Europe (Possible strategies of research).....	435
Summary	475
Биография В. Л. Абушенко	478
Список опубликованных в сборнике работ	480
Библиография работ В. Л. Абушенко	483

Научное издание

Абушенко Владимир Леонидович

ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРСОЦИОЛОГИИ

Избранные труды

С о с т а в и т е л ь

Комаровский Андрей Владимирович

Редактор *Т. В. Лаптёнок*

Художественный редактор *И. Т. Мохнач*

Технический редактор *О. А. Толстая*

Компьютерная верстка *Ю. А. Агейчик*

Подписано в печать 21.03.2016. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 28,95+0,23 вкл. Уч.-изд. л. 23,1.

Тираж 120 экз. Заказ 62.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом
«Беларуская навука». Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013.

Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.